

Колониальный вопрос до колонизации. Философские и экономические размышления об Июльской монархии

Ж.-Б. Ноэ

Западный католический университет, Анже, Франция

Аннотация

Статья посвящена анализу дискуссии по вопросу колонизации в эпоху Июльской монархии. Во Франции было два колониальных периода: один закончился примерно в 1790 году, а другой начался около 1860 года. В ходе первого происходила колонизация Америки (Вест-Индия, Канада, Луизиана) и Индии (индийские торговые поселения), в процессе второго – африканский и азиатский континенты. Между этими двумя периодами шли интенсивные дискуссии о колонизации между ее сторонниками и противниками. Французская либеральная школа во главе с Гизо, Токвилем и Пасси выступала как против колонизации, так и против рабства. Их оппозиция рабству обосновывалась экономическими и гуманитарными аргументами. Экономические соображения в том, что, как они считали, колонизация – это дорогостоящая и бесполезная для государства политика, поскольку отвлекает ресурс и препятствует инвестициям, необходимым для развития страны. Гуманитарные аргументы основывались на неприемлемости самого явления рабства и работорговли, что побуждало принимать политические меры для обеспечения запрета торговли на территориях, контролируемых европейцами. Во время колонизации эти меры были распространены на всю Африку, что положило конец практикуемому там рабству. Аргументы, общепринятые в тот период, были снова использованы, начиная с 1950 года, когда начался процесс деколонизации.

Ключевые слова: политическая философия, либерализм, аболиционизм, рабство, расовый вопрос, деколонизация.

Ноэ Жан-Батист – доктор истории, профессор Западного католического университета (Анже), главный редактор журнала «Конфликты» («Conflicts»).

information@orbis-geopolitique.fr

Перевод выполнен на кафедре политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета **Анастасией Игорев-ной Ухорской**.

Для цитирования: Ноэ Ж.-Б. Колониальный вопрос до колонизации. Философские и экономические размышления об Июльской монархии // Философские науки. 2019. Т. 63. № 9. С. 53–69.
DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-9-53-69

The Colonial Question before Colonization: Philosophical and Economic Reflections on the July Monarchy

J.-B. Noé

Catholic University of the West, Angers, France

Abstract

The article examines the arguments of the discussion on colonization during the July monarchy. France had two colonial periods: one that ended around 1790 and one that began around 1860. The first concerned the American continent (West Indies, Canada, Louisiana) and India (Indian trading posts), the second – the African and Asian continents. Between these two periods, the debate on colonization was intense between its supporters and opponents. The French liberal school, led by men like Guizot, Tocqueville, or Passy, opposed colonization as well as slavery. Their arguments against this opposition are economic and humanitarian. Economic, because they consider colonization as something costly and useless for the country that carries it out, as it prevents the country from making the investments necessary for its development. Humanitarian, because they are shocked by the existence of slavery and the slave trade, which leads them to take political action to ensure that the trade is prohibited in areas held by Europeans. At the time of colonization, this movement was extended to the whole of Africa, which put an end to the slavery practised there. The arguments used during this period were taken up again from 1950 onwards at the time of decolonization.

Keywords: political philosophy, liberalism, abolitionism, slavery, racial issue, decolonization.

Jean-Baptiste Noé – Dr. in History, Professor, Catholic University of the West (Angers), Editor-in-chief of the *Conflits* journal.
information@orbis-geopolitique.fr

Translated into Russian by **Anastasia I. Ukhorskaya** (Department of Political Science, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University).

For citation: Noé J.-B. (2020) The Colonial Question before Colonization: Philosophical and Economic Reflections on the July Monarchy. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 63, no. 9, pp. 53–69. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-9-53-69

Введение

Франция, как и ряд европейских стран, пережила два периода колонизации. Один в Новое время, между XVI и XVIII веками, и один в современную эпоху (Новейшее время), он начался в 1850-х годах и закончился в 1960 году (независимость черной Африки) и 1962 году (независимость Алжира). Эти два движения отвечают совершенно разным политическим логикам. В наше время колонизация рассматривается как двигатель торговли [Grenouilleau 2019]. Речь идет об открытии и познании нового мира¹, открытии там компаний и развитии коммерческой деятельности. В XIX веке колонизация была великим делом республиканских и масонских левых, которые стремились распространить французскую культуру на завоеванных территориях и превратить во французов покоренные народы [Lugan 2017]. Это доктрина ассимиляции, согласно которой, как сказал Жюль Ферри, «высшие расы имеют право над низшими расами» [Ferry 1885]. Логика ассимиляции и интеграции полностью отсутствовала в первую колониальную эпоху. Между ними, с 1815-х по 1850-е годы, в парламенте Франции ведутся дебаты о том, следует ли возобновлять колониальную работу и что делать с Алжирским регентством² и прилегающими недавно завоеванными территориями³. Другой вопрос, параллельный с колониальным вопросом, но не связанный с ним полностью, касается рабства, попытки запретить которое во время революции провалились.

В этот период французская либеральная школа выступала не только против колонизации, но и против рабства, что привело к полной отмене работорговли в 1848 году. Губернаторы и интеллектуалы, такие как Франсуа Гизо, Виктор де Бройль, Алексис де Токвиль, Фредерик Бастиа и король Луи-Филипп внесли свой вклад в обогащение интеллектуальных размышлений о противодействии колонизации и в претворение такого противодействия в жизнь. Идеи, разработанные этими людьми, были затем подхвачены антиколониалистами 1950-х годов (такими как Раймон Арон и генерал де Голль).

¹ Французские мореплаватели Ла-Перуз и Бугенвиль – одни из великих исследователей южных морей.

² Алжирское регентство – вассальное государство Османской империи (XVI – начало XIX века). – *Прим. пер.*

³ Алжир был завоеван Францией в 1830 году.

Противодействие работорговле

Общества за отмену рабства

Рабство было запрещено во французских колониях в 1794 году, а затем восстановлено при Наполеоне I по требованию ряда плантаторов. После имперского периода были предприняты новые инициативы по отмене работорговли. Таким образом, 19 ноября 1821 года было основано Общество христианской морали, члены которого взяли на себя обязательство добиться отмены работорговли. Возглавляемая герцогом Ла-Рошфуко-Лианкурром, графом Ластейри и бароном де Сталем, эта компания объединила великих политических и интеллектуальных деятелей того времени. Алексис де Токвиль, Адольф Тьер и Альфонс де Ламартин также были ее членами. Общество внесло свой вклад в закон от 25 апреля 1827 года, запрещающий работорговлю во Французской колониальной империи⁴. Во время правления Луи-Филиппа (1830–1848), который сам выступал за отмену работорговли, был принят целый ряд законов, ведущих к постепенной отмене рабства. Первым из них был закон от 4 марта 1831 года, принятый правительством банкира Лаффита, который усилил закон 1827 года, увеличив штрафы для работорговцев. При этом предусматривалось, что любой, кто вооружен или имеет на вооружении торговое судно, подлежал 20–30 годам принудительных работ и 2–5 годам тюремного заключения.

Законодательство Июльской монархии

В 1834 году на смену Обществу христианской морали пришло Французское общество за отмену рабства. Среди его 27 основателей мы находим столпов французской либеральной школы и Июльской монархии, таких как Виктор де Бройль, Ипполит Пасси, Одилон Барро, Виктор Дестют де Трейси. Алексис де Токвиль и Франсуа Гизо были среди ассоциированных членов. Общество разработало средства информации и пропаганды среди широкой общественности и политиков через газету и собрания, проводимые по всей Франции. Повсеместно были созданы комитеты аболиционистов, которые подписывали петиции к правительству. Хотя король был за отмену рабства, он не смог выполнить это желание из-за противодействия населения колоний и недовольства их представителей в палате. Здесь мы видим противостояние между жителями метрополии и колоний, которые также организовывали дискуссии по вопросу независимости Алжира.

⁴ В то время он состоял в основном из островов Вест-Индии и компаний Индии.

Отмена работорговли была окончательно достигнута законом от 23 апреля 1848 года. Но это действовало только во Франции и в государствах Европы, которые приняли аналогичное законодательство, как в случае с Великобританией. В Африке и арабских странах, где работорговля была самой древней и самой успешной [Lugan 2020], она продолжала распространяться. Именно колонизация европейцами, в основном французами и англичанами, положила конец работорговле в Африке; колонисты стремились остановить работорговлю и освободить рабов⁵. Колонизация в роли цивилизационной миссии, предоставленной ей ее учеными, была главным фактором в распространении процесса исчезновения рабства. Однако это заняло много времени и было эффективным только до начала XX века. Деятели эпохи Июльской монархии слишком рано выступили против колонизации не столько по философским, сколько по политическим причинам [Noé 2018].

Обоснованное противодействие колонизации

«Опорные пункты» Франсуа Гизо

Ярым противником любой политики колонизации был Гизо¹⁹, в течение восьми лет занимавший кресло министра иностранных дел при Луи-Филиппе. В традициях заморской политики XVIII века он выступал за создание «опорных пунктов» на великих торговых путях Атлантического и Индийского океанов. Для Франции это был вопрос контроля над портами и крупными городами, где корабли могли останавливаться и пополнять запасы [Theis 2008]. Эти пункты должны были также служить торговым плацдармом между внутренней Африкой и Азией и странами Европы. Ни в коей мере Гизо не хотел проводить политику экспансии и контроля над территориями, что считалось дорогостоящим и рискованным предприятием. На протяжении своей службы в министерстве он придерживался данной точки зрения с согласия Луи-Филиппа. Колониальный период прошлого века оказался в целом отрицательным для Франции; колонии, затем «сахарные острова» Вест-Индии дорого обходились и не приносили ожидаемого дохода [Marseille 2005]. Гизо мало интересовали заокеанские территории, он считал более полезным сосредоточить силы Франции в Европе и Средиземноморье. Речь шла об экономии средств за счет ограничения военных расходов и увеличения

⁵ Таким образом, архиепископ Карфагена кардинал Лавигери основал Общество миссионеров Африки, членов которого прозвали Белыми отцами, чья миссия заключалась в выкупе рабов и отмене рабства в регионах, контролируемых европейцами.

собираемых налогов. Франция все еще должна была оправиться от результатов Великой революции и империи, которые легли тяжким финансовым бременем на бюджет государства и в период которых Франция потеряла лидерство в промышленной революции, поэтому страна отстала по сравнению с Англией. Франсуа Гизо считал, что заморские операции – это ненужные потери денег, когда стране необходимо инвестировать в модернизацию своей промышленности и развитие своей национальной территории. Для него колонизация была финансовой ямой, которую следует избегать. Подтверждением этому стал провал заграничной авантюры, проводившейся до 1780-х годов, когда французские атлантические территории были бременем государственного бюджета. Таким образом, в 1788 году налоговые поступления, полученные от колоний, принесли королевству 7 миллионов фунтов стерлингов, в то время как текущие расходы этих же колоний составили 17 миллионов фунтов [Marseille 2005]. Потеря более 10 миллионов, которую Гизо и Луи-Филипп не хотели повторять. Тогда, в 1880-х годах, республиканец Жюль Ферри инициировал колониальную политику Франции, аргументируя это экономической выгодой, объясняя, что колонизация позволит французской промышленности и торговле процветать. На какое-то время эти рыночные обещания вызывали у предпринимателей мечтания, но они быстро разочаровывались, поскольку в отличие от Европы⁶ [Marseille 2005], колонии были далеки от того, чтобы представлять собой большой и качественный рынок. Экономический аргумент был основным, который использовал Фредерик Бастиа с тем, чтобы также выступить против колонизации.

Принципиальное несогласие Фредерика Бастиа

Известный либеральный экономист, предприниматель и политик Фредерик Бастиа⁷ неоднократно затрагивал колониальный вопрос в своих статьях и книгах. Его неприятие процесса колонизации основано как на философских, так и на экономических аргументах. Он

⁶ Так обстоит дело и сегодня, Африка занимает лишь очень небольшую часть во французском торговом балансе. Франция экспортирует в Бельгию больше, чем в Китай (34,2 млрд евро по сравнению с 20,9 млрд евро). Источник: INSEE, 2020. На долю Африки приходится едва ли 5% мировой торговли.

⁷ Фредерик Бастиа (1801–1850). Член парламента в 1848 году, постоянный автор журнала «Journal des Economistes», он оставил большой объем работ, самая известная из которых – «Экономические гармонии» («Harmonies économiques»). Его работа заметно повлияла на папу Льва XIII, назвавшего его одним из лучших экономистов своего времени, а также на Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер.

считает, что европейцам не нужно стремиться распространять свою цивилизацию на другие страны и навязывать ее менее развитым народам. Он опровергает идею о том, что это явление может быть благоприятным для экономики, полагая, наоборот, что колонизация вредит промышленному и материальному развитию стран. По его мнению, политика империализма ведет к гибели стран, которые ее осуществляют. Финансовые издержки настолько велики, что империалистическим правительствам приходится постоянно повышать налоги, что приводит к разорению их промышленности:

Покажите мне людей, питающих себя несправедливыми идеями внешнего господства, чрезмерного влияния, превосходства; всемогущества; вмешивающихся в дела соседних стран, которым постоянно угрожают и которые сами несут угрозу; и я покажу вам людей, обремененных налогами. <...>

Они (рабочие. – Ж.-Б. Н.) очень хорошо знают, или, по крайней мере, они начинают понимать, что когда народ хочет повлиять на несправедливое господство, когда он обременен налогами и долгами, чтобы заплатить морякам, солдатам, дипломатам; вся деятельность, направленная на возвеличение государственной известности, теряется на фоне удовлетворения его справедливых и законных потребностей [Bastiat 2016].

Далее он критикует дефицит, вызванный подобными вмешательствами, и упущенную выгоду для стран: «Копать порты в Барбари, когда Гаронну засыпает каждый день! Заберите моих детей, которых я люблю, чтобы мучить кабиллов! Заставьте меня заплатить за дома, семена и лошадей, которые мы доставляем грекам и мальтийцам, когда вокруг нас так много бедняков!»

После 1945 года этот аргумент был снова поднят сторонниками деколонизации, ссылаясь на тот факт, что, столкнувшись с необходимостью восстановления разрушенной войной Франции, выделение колониям финансовых средств больше не должно иметь место.

Навязывать свои идеи другим народам – это нонсенс, поэтому мы сами не позволяем иностранцам вмешиваться в наши национальные дела. Существует требование взаимности: мы не можем навязывать другим то, от чего отказываемся сами.

И тогда как же получается, что в глубине нашего национального сознания не хватает беспристрастности, чтобы понять, насколько наши притязания насильственно навязывать идею, причиняют вред нашим братьям за рубежом? Какие же мы тогда самые восприимчивые люди Европы? Мы, которые, уважая себя, не потерпели бы вмешательства английского полка, если бы даже к нам пришли и возвели статую сво-

боды на земле нашей страны и научили бы нас самому социальному совершенству [Bastiat 2016].

Его противодействие рабству основано на философских принципах христианства: «Эксплуатация человека человеком, называем ли мы ее рабством или защитой, противоречит христианской морали».

Идеи, развитые Бастиа, свидетельствуют о том, что теории Карла Маркса и Ленина о колонизации ошибочны. В то время как два коммунистических автора видели в колонизации высшую стадию капитализма и неизбежную кульминацию этой системы, несогласие таких людей, как Гизо и Бастиа, говорит об обратном. Больше всего против колонизации выступают именно те, кто наиболее решительно защищает капитализм, частную собственность, свободную инициативу и свободную промышленность. Хотя Маркс яростно критиковал Бастиа в нескольких своих трудах, особенно в послесловии ко второму изданию «Капитала» (1872 года) и в «Теориях о прибавочной стоимости»⁸, именно Бастиа выступил против колониализма, когда мысль Маркса привела к обширной колонизации мира. Капиталистическое развитие не может сосуществовать с колонизацией, поскольку последняя основана на попустительском капитализме, соглашениях между администрациями и инвесторами и предполагает массовое поглощение капитала для создания несуществующих общественных сооружений в Азии и Африке. Вопреки тезису, который все еще действует кое-где, колонизация не лежит в основе экономического развития Европы и Франции. Совсем наоборот. Именно потому, что страны Европы были развиты, они смогли колонизировать другие континенты, особенно благодаря своим технологическим достижениям. Огромные суммы, потраченные на эти заграничные приключения, истощили бюджеты и помешали разработке более современных инструментов. Колонизация замедлила экономическое развитие Европы и затруднила ее техническое и промышленное развитие. Интуиции Гизо и Бастиа подтвердились; колониальная скоба была тормозом французской экономики; но никак не катализатором ее мощи..

Эти идеи далеко не маргинальны. Их разделяет Луи-Филипп, а также большое количество интеллектуалов и политиков, таких как Ипполит Пасси.

Кавалерийский офицер, верный Луи-Филиппу депутат, неоднократно бывший министром торговли и финансов, Ипполит

⁸ Эти опровержения демонстрируют важность Бастиа, поскольку иностранные и далекие от его мысли исследователи считают себя обязанными опровергнуть его тезисы.

Пасси принадлежит к очень известной семье XIX века, которая произвела большое количество политиков и интеллектуалов⁹. Сам он был одним из основателей, а затем и вице-президентом Французского общества за отмену рабства. Избранный депутатом от департамента Эр в 1830 году, он был одним из тех, кто больше всего возражал против колонизации Алжирского регентства, считая, что Франция не заинтересована в этом экономически [Julien 1964]. Но тем, кто продвинул дальше эту идею неприятия рабства и колонизации, был Алексис де Токвиль, чье наследие выходит за рамки его многолетней деятельности.

Сосуществование народов, взгляды Токвиля

Как и его либеральные современники, Алексис де Токвиль был противником рабства и колонизации. Его мнение основано на философских размышлениях, а также на его практическом опыте, приобретенном во время путешествий по США и Алжиру. Там он смог увидеть, как функционируют эти общества, столь отличные от французского, и таким образом определить негативные стороны.

Рабство – препятствие экономическому развитию

Путешествуя по рабовладельческим и свободным штатам США, он понял, что рабство наносит ущерб экономическому и материальному развитию народов. Его размышления здесь являются принципиально новыми. Многие противники рабства считали его необходимым для экономики и развития капитализма. Наемный, но кабальный труд дает дешевую рабочую силу, которая может только увеличить заработки хозяев. Токвиль демонстрирует прямо противоположное в одной из самых изумительных глав своей «Демократии в Америке». Порабощенный, потому что он порабощен, работает хуже, чем свободный, которому платят за его труд. Рабство держит государства в рутине, предотвращая технологические инновации и материальный прогресс. Это особенно очевидно, когда сплавляешься по реке Огайо, где можно сравнить два штата, граничащих с рекой.

Постепенно возникло понимание того, что кабала не только жестока по отношению к рабу, но и губительна для хозяина.

Окончательно это было доказано, когда американцы поселились на берегах Огайо.

⁹ Его племянник Фредерик Пасси получил Нобелевскую премию мира в 1901 году.

Река, которую индейцы обычно называли Огайо, или Прекрасная Река, несет свои воды по самой изумительной долине, в которой когда-либо жил человек. По обоим берегам Огайо тянутся холмы с неистощимо плодородной почвой; там умеренный климат и здоровый воздух. Вдоль каждого берега проходит граница обширного штата: вдоль извилистого левого тянется граница штата Кентукки; штат, расположенный на правом берегу, носит то же название, что и река. Эти два штата различаются лишь в одном: в Кентукки разрешено иметь рабов, а в Огайо запрещено.

Таким образом, путешественник, плывущий по середине Огайо туда, где она впадает в Миссисипи, находится как бы между свободным обществом и рабовладельческим. И стоит ему поглядеть вокруг, как он сразу поймет, какое из этих общественных устройств способствует процветанию человечества.

Левый берег реки малонаселен, время от времени там можно видеть группы рабов, беззаботно бредущих по полупустынным полям; часто встречается девственный лес. Общество, кажется, пребывает в спячке, а человек предается праздности, в то время как природа живет бурной жизнью.

Что же касается правого берега, то с него доносится неясный шум, свидетельствующий о работе где-то вдалеке промышленных предприятий, на полях видны богатые всходы. Земледельцы живут в красивых домах, свидетельствующих об их вкусе и старании. Все дышит достатком, человек выглядит богатым и довольным: он трудится...

Правда, в Кентукки хозяева ничего не платят рабам за работу, но рабский труд не приносит им больших прибылей. Платя деньги белым рабочим, они бы с лихвой окупили свои расходы [Токвиль 1992, 255–256].

«Рабство губительно для хозяина». Вот почему север Соединенных Штатов, отвергнувший рабство, более развит, чем юг, где оно практикуется. Это еще больше развенчивает миф о предполагаемой связи между капитализмом и рабством. Чтобы развиваться и становиться могущественными, обществу нужны свободные люди, а не крепостные.

Расовое сосуществование в США

Другая проблема касается сосуществования трех рас, проживающих в Соединенных Штатах: индейцев, белых и черных, что сегодня называется коммунитаризмом. Расовая проблема была не такой острой, как в 1950-х и 1960-х годах, но Токвиль видел, что политические и социальные проблемы грядут. В основе этого расового «сожительства» лежит вопрос, могут ли несколько народов жить на одной территории. Для Токвиля ответ – нет; так как вот что он видел в Алжире.

Люди, населяющие это пространство, не являются, подобно европейцам, представителями одной расы. С первых же шагов мы встречаемся

там с тремя совершенно различными, я бы даже сказал враждебными, расами. Воспитание, законы, происхождение и даже внешний облик воздвигли между ними почти непреодолимые препятствия. По воле судьбы они живут рядом, но не могут слиться воедино, объединиться, и каждая из них идет своим путем.

Среди этих столь различных людей на первом месте стоит белый человек, европеец, самый образованный, самый сильный, самый счастливый. Это – человек в полном смысле слова. Ниже его стоят негры и индейцы.

Две эти обездоленные расы не имеют ничего общего ни в происхождении, ни во внешних чертах, ни в языке, ни в нравах. Единственное, что их объединяет, – это их страдания. И та, и другая занимают подчиненное положение в своей стране...

Негры в Соединенных Штатах не сохранили даже воспоминаний о своей отчизне, они не понимают языка своих отцов, отреклись от их веры, забыли их нравы. Но несмотря на то, что все их связи с Африкой разорваны, они не имеют никакого доступа к европейским достижениям. Они находятся между двумя обществами и не принадлежат более ни к одному из двух народов, один из которых их продал, а другой отвергает. Единственным и смутным образом родины для них во всем мире является дом их хозяина...

Если он обретает свободу, то она часто кажется ему более тяжким грузом, чем рабство. Ведь он в своей жизни научился подчиняться всему, кроме рассудка, и когда рассудок становится его единственным советчиком, он оказывается не в состоянии услышать его голос. Его осаждают тысячи новых потребностей, но у него нет знаний и достаточной энергии для того, чтобы их удовлетворить. Потребности – это повелители, с которыми надо уметь бороться, а он научился лишь подчиняться и повиноваться. Он дошел до крайней степени падения: рабство лишило его человеческого облика и свобода для него губительна...

До появления белых в Новом Свете люди, населявшие Северную Америку, спокойно жили в лесах. Они были подвержены обычным превратностям дикой жизни и обладали пороками и добродетелями нецивилизованных народов...

Порабощение негров доходит до крайних пределов, свобода индейцев не имеет границ, но и то и другое приводило к одинаково трагическим результатам.

Негр лишен даже права располагать собственной личностью, для него самостоятельно распоряжаться своей жизнью – значит совершить кражу. Индеец же обретает неограниченную свободу, как только становится способен действовать самостоятельно...

Негры всячески пытаются влиться в общество белых, но тщетно, оно их отторгает. Они приспособляются к вкусам своих угнетателей, перенимают их убеждения и надеются путем подражания слиться с ними...

Индейцы, напротив, полны мыслей о своем, как они полагают, благородном происхождении. Они живут и умирают среди видений, порожденных гордостью. Они не просто не хотят приспособляться к

нашим нравам, но дорожат своей дикостью как отличительным знаком своей расы и отталкивают цивилизацию не столько из ненависти к ней, сколько из страха стать похожими на европейцев. . .

Негры хотели бы слиться с европейцами, но не могут. Индейцы могли бы достичь в этом определенного успеха, но они презирают такую возможность. Первых низость обрекает на рабство, вторых гордость обрекает на гибель [Токвиль 1992, 238–240].

Сравнивая черных, которые хотели бы ассимилироваться с европейцами, но не могут из-за диких ограничений, и индейцев, которые обладают интеллектуальными способностями, чтобы достичь уровня европейцев, но не хотят этого, чтобы сохранить свою культуру и особенности, Токвиль показывает, насколько невозможно объединение этих трех народов. Пока Соединенные Штаты обширны, нет насущной проблемы сосуществования народов, когда каждый живет на своей территории. Но когда они будут вынуждены жить вместе или даже в одних и тех же городах, их мирное сосуществование будет намного более хрупким. Социальную и расовую напряженность Токвиль ожидал еще в 1830-х годах, задолго до конфликтов на расовой почве, потрясших Соединенные Штаты. Поэтому его неприятие процесса колонизации основано как на экономическом (дорогостоящий и ненужный процесс), так как и на социальном (невозможность совместного проживания) анализе. Ниже приведен анализ, который он также проводит в Алжире во время различных поездок, и парламентские отчеты, которые он публикует по этому вопросу.

Алжирский вопрос

Токвиль несколько раз посещал Алжир, который незадолго до этого был завоеван Францией, и подготовил четыре важных документа. Два письма (1837 года), которые посодействовали его избранию в депутаты, и два парламентских отчета (1841 и 1847 годов), которые он составил, будучи депутатом. В этих документах он очень скептически относится к осуществлению колонизации. Для него важно отделить военные действия от политической власти и прежде всего, не возлагать политические обязанности на военных. Он также выступает против ассимиляции и навязывания европейской культуры туземцам, утверждая вместо этого, что им следует позволить развивать свою собственную культуру:

Без сомнения, было бы так же опасно, как и бесполезно, пытаться внушать им наши обычаи, наши идеи, наши порядки. Сейчас мы должны подталкивать их не в направлении нашей европейской цивилизации, а в направлении того, что для них характерно... Исламизм не является абсолютно непроницаемым для света; он часто допускал

в себя определенные науки или определенные искусства. Почему бы нам не стремиться к их процветанию под властью нашей империи? Давайте не будем заставлять местных жителей приходить в наши школы, но давайте поможем им вырастить их, увеличить число тех, кто преподает там, поможем обучать служителей закона и служителей религии, без которых мусульманская цивилизация точно так же не может обойтись, как и наша [Tocqueville 1847].

Что касается территориального развития, Токвиль отстаивает идею, что это должны делать европейцы, а не коренное население. Земли должны быть переданы колонистам, которые смогут их развивать и создавать сельскохозяйственные и промышленные предприятия, продукцию которых можно будет продавать во Франции и в Европе. Защищая свободную торговлю, Токвиль выступает против тех, кто хочет установить колониальный тариф и контролировать цены на алжирскую продукцию¹⁰. Напротив, он защищает идею свободно фиксированных цен, чтобы поощрить поселенцев. Если французы, приезжающие в Алжир, не будут достаточно зарабатывать, колонизация поселений будет невозможна. На деле же Алжир нуждается в большом количестве французов, чтобы свободно развиваться.

Мы сильно терзаем воображение, чтобы найти способы привлечь и удержать фермеров в Алжире. Есть одно, о чем не думают эти великие утописты и что намного лучше, чем все военные или церковные колонии в мире, – это обогащаться, развивая; и чтобы там обогатиться, надо там дешево жить и легко и дорого продавать свою продукцию. Снизьте тарифы, чтобы можно было дешево получать, даже от иностранцев, большую часть полезных или же приятных для жизни вещей. Разрешите беспрепятственный ввоз во Францию всей продукции Алжира, причем не туземной, а именно колониальной. Например, вместо того, чтобы покупать табак, которого вам не хватает в Америке, лучше покупать его в Алжире, где он прекрасно растет. Соблазн выгоды и легкости вскоре привлечет в Масифу и Митиджу столько колонистов, сколько вы пожелаете.

Я очень хорошо знаю, что торговля и промышленность мегаполиса воскликнут, что их приносят в жертву; что главные преимущества колонии заключаются в том, чтобы предоставлять выгодный рынок для метрополии, а не в том, чтобы конкурировать с ней. Все это может быть правдой само по себе, но не давите на больное. В настоящее время Алжир не следует рассматривать с коммерческой, промышлен-

¹⁰ Что в конечном итоге и будет сделано. Алжирская сельхозпродукция будет намного дороже мировых цен. Поскольку Франция взяла на себя их приобретение, французские потребители и производители в течение нескольких десятилетий имели доступ к более дорогим продуктам, чем они могли бы купить в Италии или Испании.

ной или колониальной точки зрения; мы должны поставить себя еще выше, чтобы рассмотреть этот важный вопрос. На самом деле здесь есть большой политический интерес, который доминирует над всеми остальными. Наша нынешняя ситуация в Африке невыносима: она губительна для казны, разрушительна для нашего влияния в мире и прежде всего, ненадежна. Это наш самый насущный и, я бы сказал, самый важный национальный интерес – положить этому конец. Ситуация может быть разрешена, только если европейское население будет сохранять и укреплять завоеванную нами территорию. Поэтому мы должны доставить туда любой ценой европейское население, даже если нам придется временно навредить нашим производителям. Я говорю временно, поскольку очевидно, что это зло будет только временным; если бы в Алжире проживало большое количество французов, мы с большим преимуществом восстановили бы протекционистские тарифы, которые теперь почти бесполезны для наших производителей, поскольку страна необитаема и не создает спроса [Tocqueville 1847].

Хотя позиции Токвиля выражены иначе, они почти не отличаются от позиций Гизо и Бастиа. Тем не менее их взгляды находятся в меньшинстве. С 1870 года и с установлением Третьей республики был выбран другой вариант – ассимиляция и интеграция с желанием превратить местных жителей в полноценных французов. Эта политика потерпела неудачу, что, в частности, продемонстрировала война в Алжире, с одной стороны, а затем независимость страны в 1962 году. Аргументы французских либералов против колонизации затем были подхвачены теми, кто защищал деколонизацию, включая генерала де Голля, который осознавал бремя, каковое Алжир представляет для государственного бюджета Франции и международного величия Франции [Vaïsse 2012]. Последний с конца 1950-х годов был убежден, что независимость Алжира необходима. Алжир ложится тяжелым бременем на бюджет Франции и не позволяет последней инвестировать в технологии будущего, такие как ядерная энергетика и модернизация территории [Lefevre 2005]. Кроме того, алжирская война находится в центре внимания международного сообщества, что не позволяет Франции выйти на мировую арену и вмешаться в великие дебаты того времени, такие как война во Вьетнаме или холодная война. Таким образом, предоставление независимости Алжиру является ответом генерала де Голля на проект величия и национального суверенитета: Франция должна вернуть себе бюджетные возможности для маневра и способность принимать участие в международных делах. Трудность и трагичность алжирской войны и в том, что на этой территории проживает около 800 000 европейцев. Хотя многие думали, что смогут продолжать

жить там после обретения Алжиром независимости, этническая чистка, организованная новым правительством, вынудила их фактически отправиться в изгнание. Для лидеров независимого Алжира не могло быть и речи о том, чтобы в одной и той же стране было несколько народов.

Заключение

До начала движения за колонизацию Азии и Африки, в которое республиканская Франция была в значительной степени вовлечена, пока не стала второй после Великобритании колониальной империей, мыслители и лидеры Июльской монархии выступали против колониальной авантюры как рабства. Их аргументы основаны на экономических и философских соображениях. Они понимают, что народы и культуры различны, и что невозможно смешивать их вместе или навязывать европейскую культуру другим. Сам Луи-Филипп выступает против колониальной идеи, хотя считает необходимым контролировать порт и побережье Алжира. Политика умеренности, контроля опорных пунктов и стратегического присутствия, к сожалению, затем была забыта и отвергнута республиканцами. И только после возвращения политиков и интеллектуалов из движения Июльской монархии, таких как Раймон Арон, удалось положить конец колониальным авантюрам и провести деколонизацию захваченных территорий. Приключение, которое оказалось очень дорогостоящим для Франции, чей счет до сих пор полностью не оплачен из-за огромных проблем, возникших в результате наплыва мигрантов во Францию и Европу из ее бывших колоний.

Колониальный вопрос – это также вопрос власти и ее основы. Для сторонников колонизации это должен быть рычаг власти. С точки зрения его противников, Гизо или де Голля, колонизация препятствует могуществу страны. Власть основана не на территориальных завоеваниях, а на экономической, военной и культурной мощи. Этот вопрос сегодня возникает в России в отношениях с бывшими советскими республиками. Следует ли ими управлять для увеличения российской мощи либо напрямую, либо с помощью глав государств, благоприсягающих Москве, или же российская власть должна опираться в первую очередь на внутреннюю мощь России: свою экономику, образование, свое население, освоение своей огромной территории? Цель этой статьи – не разрешить этот сложный спор, а отметить, что с разницей в два столетия Франция и Россия задавали одни и те же вопросы, с одинаковыми трудностями отвечая на них.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Токвиль 1992 – *Токвиль А. де. Демократия в Америке.* – М.: Прогресс, 1992.

Bastiat 2016 – *Bastiat F. Thèmes et citations.* – Paris: Institut Coppet, 2016.

Grenouilleau 2006 – *Grenouilleau O. Les traites négrières. Essai d'histoire globale.* – Paris: Gallimard, 2006.

Grenouilleau 2019 – *Grenouilleau O. Fortunes de mer, sirènes coloniales XVIIe–XXe siècle.* – Paris: CNRS éditions, 2019.

Julien 1964 – *Julien C.-A. Histoire de l'Algérie contemporaine.* – Paris: PUF, 1964.

Lefevvre 2005 – *Lefevvre D. Chère Algérie. La France et sa colonie. 1830–1962.* – Paris: Flammarion, 2005.

Lefevvre 2008 – *Lefevvre D. Pour en finir avec la repentance coloniale.* – Paris: Flammarion, 2008.

Lugan 2017 – *Lugan B. Pour en finir avec la colonisation.* – Paris: Le Rocher, 2017.

Lugan 2020 – *Lugan B. Esclavage. L'histoire à l'endroit.* – Panissières: L'Afrique réelle, 2020.

Marseille 2005 – *Marseille J. Empire colonial et capitalisme français. Histoire d'un divorce.* – Paris: Albin Michel, 2005.

Noé 2018 – *Noé J.-B. La parenthèse libérale. Dix-huit années qui ont changé la France.* – Paris: Calmann-Lévy, 2018.

Theis 2008 – *Theis L. François Guizot.* – Paris: Fayard, 2008.

Tocqueville 1847 – *Tocqueville A. de. Premier rapport sur l'Algérie, 1847.* – Paris: Gallimard, 1847.

Vaïsse 2012 – *Vaïsse M. De Gaulle et l'Algérie (1943–1969).* – Paris: Armand Colin Ministère de la Défense, 2012.

REFERENCES

Bastiat F. (2016) *Thèmes et citations.* Paris: Institut Coppet (in French).

Grenouilleau O. (2006) *Les traites négrières. Essai d'histoire globale.* Paris: Gallimard (in French).

Grenouilleau O. (2019) *Fortunes de mer, sirènes coloniales XVIIe–XXe siècle.* Paris: CNRS éditions (in French).

Julien C.-A. (1964) *Histoire de l'Algérie contemporaine.* Paris: PUF (in French).

Lefevvre D. (2005) *Chère Algérie. La France et sa colonie. 1830–1962.* Paris: Flammarion (in French).

Lefevvre D. (2008) *Pour en finir avec la repentance coloniale.* Paris: Flammarion (in French).

Lugan B. (2017) *Pour en finir avec la colonisation.* Paris: Le Rocher (in French).

Lugan B. (2020) *Esclavage. L'histoire à l'endroit*. Panissières: L'Afrique réelle (in French).

Marseille J. (2005) *Empire colonial et capitalisme français. Histoire d'un divorce*. Paris: Albin Michel (in French).

Noé J.-B. (2018) *La parenthèse libérale. Dix-huit années qui ont changé la France*. Paris: Calmann-Lévy (in French).

Theis L. (2008) *François Guizot*. Paris: Fayard (in French).

Tocqueville A. de (1847) *Premier rapport sur l'Algérie, 1847*. Paris: Gallimard (in French).

Tocqueville A. de (1992) *Democracy in America*. Moscow: Progress (Russian translation).

Vaïsse M. (2012) *De Gaulle et l'Algérie (1943–1969)*. Paris: Armand Colin Ministère de la Défense (in French).